

Потенциал методики анализа текста в аспекте стилистики речи для сопоставления лирических произведений

Повалко П.Ю., Смолий Е.С.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы», Москва

Статья посвящена выявлению возможностей более широкого применения одной из методик анализа художественного текста, основывающейся в свою очередь на методике анализа нехудожественных текстов.

Цель настоящей работы — раскрыть исследовательский потенциал методики анализа текста в аспекте стилистики речи, предложенной О.А. Крыловой для анализа нехудожественных текстов и апробированной И.П. Зайцевой при анализе художественного текста, в применении к сопоставительному изучению лирических произведений.

***Материал и методы.** В качестве материала для анализа были выбраны два стихотворения в жанре фронтового письма: «Письмо на фронт» С. Михалкова (1941) и «Письмо к сыну» А. Балакирева (2025). Основными методами при проведении исследования явились интерпретационный и сопоставительный.*

***Результаты и их обсуждение.** Продолжая изучение исследовательского потенциала указанной методики, авторы статьи демонстрируют, что она может быть расширена сопоставительным аспектом анализа поэтического текста, который, очевидно, выходит за рамки феноменологического анализа произведения, однако позволяет рассмотреть его в широком литературном контексте, тем самым не только показать взаимосвязь элементов одного текста, но и проявить их соотнесенность с единицами других, связанных текстов. Благодаря целостной структуре, прозрачной логике и чётко сформулированным основаниям для выделения групп элементов, составляющих текст, предложенная методика может также служить критериальной основой для сопоставительного анализа поэтических — и шире художественных — текстов.*

Такая возможность обеспечивается чёткой структурой и прозрачной логикой выделения составляющих текст элементов, что позволяет вскрыть механизмы сложного взаимоотношения словесно-речевой структуры и композиционно-художественной организации отдельного поэтического текста, а также соотнести тексты между собой.

***Заключение.** Представленный анализ свидетельствует о целесообразности использования данной методики в рамках сопоставительного изучения лирических произведений, так как она обеспечивает системный и последовательный инструментарий для сопоставительного анализа данных произведений, позволяя выявить не только особенности отдельных текстов, но и их диалог в широком литературном и историческом контексте.*

***Ключевые слова:** методика анализа текста в аспекте стилистики речи, лингвопоэтический анализ, сопоставительный анализ, лирические произведения, элементы текста, конструктивные приёмы.*

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 68–74)

The Potential of the Text Analysis Methodology in Terms of Speech Stylistics for the Comparative Study of Lyric Poetry

Povalko P.Yu., Smolij E.S.

Federal State Autonomous Higher Education Establishment "Patrice Lumumba Peoples'
Friendship University of Russia", Moscow

The article is devoted to identifying the possibilities of wider use of one of the methods of analyzing artistic text, which in turn is based on the method of analyzing non-artistic texts.

The purpose of the work is to reveal the research potential of the text analysis methodology in the aspect of speech stylistics, proposed by O.A. Krylova for the analysis of non-fiction texts and tested by I.P. Zaitseva in the analysis of the literary text, as applied to the comparative study of lyrical works.

Адрес для корреспонденции: e-mail: povalko-pyu@rudn.ru — П.Ю. Повалко

Material and methods. Two poems in the genre of frontline writing were chosen as the material for analysis.: “Letter to the Front” by S. Mikhalkov (1941) and “Letter to my Son” by A. Balakirev (2025). The main methods of conducting the study were interpretive and comparative methods.

Findings and their discussion. Continuing to study the research potential of this technique, the authors of the article demonstrate that it can be expanded by the comparative aspect of poetic text analysis, which obviously goes beyond the phenomenological consideration of the work, but allows us to consider it in a broad literary context, thereby not only showing the relationship of the elements of one text, but also to show their correlation with the units of others, related texts. Due to its holistic structure, transparent logic, and well-defined grounds for identifying groups of elements that make up a text, the proposed methodology can also serve as a critical basis for comparative analysis of poetic — and more broadly artistic — texts.

This possibility is provided by a clear structure and transparent logic of highlighting the elements that make up the text, which makes it possible to reveal the mechanisms of the complex relationship between the verbal-speech structure and the compositional-artistic organization of a separate poetic text, as well as to correlate the texts with each other.

Conclusion. The presented analysis indicates the expediency of using this technique in the framework of comparative study of lyrical works, as it provides a systematic and consistent toolkit for comparative analysis of lyrical works, allowing to identify not only the features of individual texts, but also their dialogue in a broad literary and historical context.

Key words: methodology of text analysis in the aspect of speech stylistics, linguistic and poetic analysis, comparative analysis, lyrical works, text elements, constructive techniques.

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 68–74)

Настоящая статья является попыткой продолжения научных идей доктора филологических наук, профессора Ирины Павловны Зайцевой, которая в одной из своих работ [1] предложила использовать методику анализа текста в аспекте стилистики речи, изложенную в книге О.А. Крыловой [2], в качестве одного из этапов комплексного лингво-поэтического анализа художественного текста. Новизна подхода И.П. Зайцевой заключается в применении методики, изначально ориентированной на нехудожественные тексты, для анализа текстов художественных. Заметив, что в некоторых случаях О.А. Крылова для иллюстрации алгоритма анализа прибегает к примерам из поэтических текстов [2], И.П. Зайцева отмечает: «Такое объединение — иллюстративное подтверждение алгоритма анализа нехудожественных текстов примером из текста художественного — косвенно подтверждает правомерность применения предлагаемой методики как составляющей комплексного лингвопоэтического анализа словесно-художественных произведений, который будет предложен далее» [1, с.1296].

Продолжая изучение исследовательского потенциала указанной методики, авторы статьи предположили, что она может быть расширена сопоставительным аспектом анализа поэтического текста, который, очевидно, выходит за рамки феноменологического рассмотрения произведения, однако позволяет рассмотреть его в широком литературном контексте, тем самым не только показать взаимосвязь элементов одного текста, но и проявить их соотнесённость с единицами других, связанных текстов. Благодаря целостной структуре, прозрачной логике и чётко сформулированным основаниям для выделения групп элементов, составляющих текст, предложенная методика может также служить критериальной основой для сопоставительного анализа поэтических — и шире художественных — текстов.

Таким образом, цель настоящей работы — раскрыть исследовательский потенциал методики анализа текста в аспекте стилистики речи, представленной

О.А. Крыловой для анализа нехудожественных текстов и апробированной И.П. Зайцевой при анализе художественного текста, в применении к сопоставительному изучению лирических произведений.

Материал и методы. Для сопоставительного анализа были избраны два стихотворения (тексты приведены ниже), объединённые жанром фронтового письма, но различные и по времени создания, и по времени описываемых событий: стихотворение Сергея Михалкова «Письмо на фронт», написанное в 1941 году, и стихотворение современного автора Андрея Балакирева «Письмо к сыну», изданное в сборнике «Стихи россиян, посвящённые героям СВО» в 2025 году.

Письмо на фронт

*Сынок родной!
По радио узнали,
Что ты здоров и крепко бьёшь врагов.
Соседи заходили, поздравляли,
Все говорят: — Ванюшка-то каков!*

*Вот это, говорят, действительно героизм:
Трёх гадов заколоть, а двух живьём поймать!
А мне, признаться, только беспокойство,
Да что поделаешь: на то ведь я и мать.*

*Всё думаю и сердцем всё болею
По материнской слабости своей...
Ты береги себя, но бей злодея!
Как мать прошу: врага покрепче бей!*

*Отец, как все. Вчера пришёл с работы,
Прочёл газету, стукнул кулаком.
— Эх, говорит, и мне на фронт охота.
Пойти бы тоже следом за сынком.*

*Я, говорит, на немца зуб имею.
За две войны немало их побил.
А бить по ним я и в очко сумею,
Я трёхлинейную ещё не позабыл!..*

*Вчера у нас Катюша ночевала.
Хлеб убирают. Скоро молотья.
Такой пшеницы — сроду не бывало!
Богатые, хорошие хлеба.*

*Катюша-то в колхозе заправилой —
Степан Петров ушёл служить на флот.
Она его в бригаде заменила,
Командует теперь на полный ход.*

*— Мы, говорит, такие строим планы:
Сдать государству урожай сполна
И если что... всем вместе в партизаны, —
Бить Гитлера. Пусть сдохнет, сатана!..*

*Марусю не узнать. Шинель надела
И санитаркой в госпиталь пошла.
А я не против, раз такое дело —
Сестрой и я в гражданскую была.*

*Бельё стирала, раны бинтовала.
Кладу повязку, а сама в слезах.
Дежурила, ночей недосыпала,
И оживали люди на глазах.*

*Сынок родной! За Родину сражайся!
Не трусь в бою! Не забывай писать!
И поскорей с победой возвращайся!
От всех привет.
Целую крепко.
Мать [3].*

Письмо сыну

*Добрый день, дорогой сынок.
Расскажи, как ты там, на фронте?
Старый клён под окном занемог,
Но у нас на селе ты в почёте.
Всякий знает, наш сын — герой,
И воюет, как дед когда-то,
Ты за правду горою стой,
Раз вернулся фашизм проклятый.
Ты гони его в шею, гони,
Всем хватило беды той когда-то,
И скорее домой приходи,
Придавлив хвосты супостатам.
Мама тоже кручинится, ждёт,
Даже слышал, ночами плачет,
И тебя всё во сне зовет...
Любит, видно, а как иначе?
На неё я с утра ворчу,
Что беду накликает заранее,
Ну а сам — водкой горло смочу.
Когда спит она в утречко раннее.
Ты, сынок, не печалься за нас,
Жизнь в деревне — для грусти не повод,
И когда возвратишься назад,*

*Не отпустим тебя в твой город.
Ты не думай, сынок, ни о чём,
Но под пули не лезь напрасно,
Как придёшь, на рыбалку пойдём,
Ты же знаешь, места здесь прекрасны.
Ладно, воин, кончаю писать,
Видно, старая просыпается,
Ей охота тебя обнять,
А она всё в слезах купается.
Что ж, сынок, крепко руку жму,
Ведь конец войны не за далями,
И уверен — к груди прижму
Грудь, усеянную медалями [4].*

Оба стихотворения написаны в форме письма на фронт. Фронтное письмо как речевой жанр становилось предметом изучения ряда исследователей, которыми были выделены его отличительные черты. Так, Т.П. Сухотерина пишет: «Для фронтного письма в коммуникативной ситуации Великой Отечественной войны свойственно общение между хорошо знакомыми людьми, оно сводится к поддержанию контакта и передаче информации о себе, об условиях, в которых находится автор в момент написания письма, о проблемах, которые его волнуют и т.п.» [5, с. 218]. Таким образом, в данном жанре находят отражение два типа дискурса: а) персональный (лично-ориентированный), в котором автор свободно проявляет себя как языковая личность, выражая своё «Я», что наделяет данную жанровую разновидность субъективностью, реализуемой с помощью эмоционально-экспрессивных и оценочных языковых средств; б) бытовой дискурс, который придаёт языку письма черты, свойственные разговорно-обиходному функциональному стилю.

Особенности содержания и формы фронтного письма делают его полифункциональным и обеспечивают реализацию коммуникативной, информативной и мемориальной функций (подробнее об этом см. [6]), которые в лирическом тексте осложнены **функцией эстетической**, реализуемой особой эмоцией формы и смысловой многоплановостью поэтического слова. Таким образом, лирическое воплощение фронтного письма представляет собой специфический и чрезвычайно интересный в стилистическом и структурно-семантическом отношении жанр художественного текста.

Сопоставительный анализ стихотворений будет проведен в соответствии с тремя выделенными О.А. Крыловой группами составляющих текст элементов, которые И.П. Зайцева использует для анализа единичного, отдельного текстового произведения:

1. Элементы, заданные темой произведения, формирующие логическую основу текста и соотносящие его с действительностью.

2. Стилеобразующие элементы (по О.А. Крыловой — для анализа нехудожественного текста), или средства речевой выразительности (по И.П. Зайцевой —

для анализа художественного текста): «при анализе художественного текста неактуальным становится наделение его элементов стилиобразующей функцией, поскольку в художественной речи выбор этих элементов регулируется прежде всего принципом эстетической мотивированности, а значит — при условии соответствия означенному принципу — практически не ограничивается какими-либо языковыми, в том числе и стилистическими, нормами» [1, с. 1298].

3. Конструктивные приемы — элементы, существенные для структуры текста, необходимые как для смыслового, так и для экспрессивного выражения: «Их экспрессивность принципиально отлична от экспрессивности стилиобразующих элементов. Последние обладают стилистической окраской сами по себе. ... Экспрессивность же конструктивного приёма — это экспрессивность данного построения» [2].

По замечанию И.П. Зайцевой, многие элементы лирического текста могут быть обращены одновременно к различным семантическим слоям, обеспечивая его смысловую многоплановость, что необходимо учитывать при интерпретации: «Такой учёт значим прежде всего потому, что в создавшихся в лирической структуре условиях функциональная значимость большинства её элементов расширяется — в частности, они могут одновременно выполнять как экспрессивную, так и конструктивную функции (последнюю для художественного текста более точно обозначить как композиционную)» [1, с. 1298].

Результаты и их обсуждение. Далее представим сопоставительный анализ стихотворений С. Михалкова «Письмо на фронт» (примеры приводятся под литерой А) и А. Балакирева «Письмо к сыну» (примеры приводятся под литерой Б) в соответствии с описанными выше группами элементов текста.

Первая группа элементов (речевые единицы, заданные темой произведения)

В эту группу вошли речевые единицы, заданные темами, характерными для жанра фронтового бытового письма, — это темы войны, жизни в тылу и родительской любви:

– война (А: *бить врагов, фронт, служить на флот, партизаны, Гитлер, санитарка, госпиталь, бой, Родина, сражаться, победа* и др.; Б: *фронт, герой, воевать, пули, воин, медали*);

– жизнь в тылу (А: *прийти с работы, прочесть газету, убирать хлеб, хлеба, молотья, колхоз, бригада, сдать урожай* и др.; Б: *старый клён, на селе, водка, домой, мама, жизнь в деревне, город, пойти на рыбалку* и др.);

– родительская любовь (А: *сын родной; «как мать прошу»; мне только беспокойство // Да что поделаешь: на то ведь я и мать; болеть сердцем; материнская слабость; целую крепко*; Б: *сын, кручиниться, ждать, плакать, любить; всё в слезах кушается; охота обнять, к груди прижать* и др.).

Поскольку в исследуемых текстах мы имеем дело с лирическим воплощением фронтового бытового

письма, то элементы первой группы составляют не только логическую (как в прозаической форме «естественного» письма), но и образно-семантическую основу стихотворения.

Вторая группа элементов (средства речевой выразительности)

Вслед за И.П. Зайцевой, которая, с учётом семантической многослойности лирического текста и полифункциональности составляющих его элементов, предложила дифференцировано подойти к формированию второй группы речевых единиц [1, с. 1298], выделяем две подгруппы.

Во-первых, это стилистически маркированные единицы, то есть обладающие той или иной эмоционально-экспрессивной и/или функционально-стилевой окраской. Стилистическая окраска исследуемых языковых единиц приводится авторами в соответствии со стилистическими пометами, данными в Большом академическом словаре русского языка [7].

В стихотворении С. Михалкова такими единицами в первую очередь являются слова с разговорной или просторечной окраской: *сроду, сдохнет, сатана, охота, гады, пойти следом, заправила, сполна, трусить, поскорей, привет, ведь, эх*. Сюда же входят неформальные разговорные варианты личных собственных имён: *Ванюшка, Маруся, Катюша*. В эту же подгруппу попадают фразеологические обороты и устойчивые словосочетания с разговорной окраской: *бить в око; иметь зуб на кого-то; V + на глазах («И оживали люди на глазах»); что поделаешь*.

В тексте А. Балакирева вторую группу элементов также составляют разговорные и просторечные слова: *сын, занемог, ворчать, не лезь, утречко, охота, супостаты, накликай, раз (союз), же/ж*. К этой же подгруппе могут быть отнесены и лексемы с пометами «народно-поэтическое» (*кручиниться*) и «торжественное» (*воин*).

Кроме того, в данном тексте используются фразеологизмы и устойчивые словосочетания: *гнать в шею, стоять горой, накликай беду*.

Отметим, что некоторые фразеологизмы в обоих исследуемых текстах трансформированы, что придаёт языковой единице ещё большую экспрессивность, выразительность, поскольку нарушает автоматизм восприятия: А) (*командует теперь*) на полный ход (исходное — *полным ходом* в значении ‘интенсивно, всюду’); (*а я, признаться*) сердцем всё болею (исходное — *сердце болит (у кого)* в значении ‘чувствовать тревогу, беспокойство, испытывать душевное страдание’); Б) *придавить хвост* (исходное — *прижать кому-то хвост* в значении ‘строго ограничивать кого-либо в его действиях, поступках, подчиняя своей воле’); *водкой горло смочу* (исходное — *промочить горло* без распространителя в значении ‘выпить немного спиртного’) [8].

Во-вторых, особую, хотя и не многочисленную в данных текстах, подгруппу составляют тропы.

В тексте С. Михалкова образность эпитета *богатые, хорошие (хлеба)* усилена лексикализованной формой

множественного числа вещественного существительного *хлеб*, актуализирующей значение большого пространства, на котором растёт пшеница. Яркой экспрессивностью обладает и выражение *бить Гитлера*, которое представляет собой редкий случай синекдохи — переноса с частного на общее.

Стихотворение А. Балакирева также включает отдельные тропеические единицы. Так, для реализации тропа *фашизм проклятый* использована стилистически маркированная единица, зафиксированная в словарях с пометой «бранное» — *проклятый*. Образно-экспрессивный потенциал данного эпитета усиливается инверсивным порядком слов — постановкой определения после определяемого слова.

Экспрессивно-эмоциональную тональность лирического текста поддерживает троп олицетворения: *Старый клён под окном занемог*, в котором глагол *занемочь* с пометой «устаревшее и просторечное» характеризует состояние не человека, а растения. В тексте антропоморфность дерева, которое в непростую пору «занемогло», усиливается противопоставлением клёна и человека: *Старый клён под окном занемог, // Но у нас на селе ты в почёте*.

Ярким тропом, хотя и единичным, в представленном поэтическом тексте является метафора (*мама*) в слезах купается. Данный метафорический образ, как уже было сказано выше, построен на трансформации фразеологической единицы *утопать в слезах* — глагол *утопать* заменяется на глагол *купаться*. Такая замена становится возможной потому, что эти глаголы, различаясь по своей эмоционально-экспрессивной окраске (*утопать* — пейоративный глагол, *купаться* — мелиоративный глагол), имеют сходный компонент значения. При этом значение исходного выражения — ‘много и безутешно плакать’, а также его стилистическая маркированность в данном контексте сохраняются.

К этой же подгруппе отнесём и выражение *фашизм вернулся*, представляющее собой синекдоху, которая придаёт тексту выразительность и эмоциональность.

Соглашаясь с И.П. Зайцевой в том, что наличие тропов в художественной речи является одной из её существенных особенностей и что «своеобразие созданных автором тропов является одним из наиболее показательных воплощений индивидуально-авторского почерка, особенно в поэтическом произведении» [1, с. 1300], отметим, однако, что в стихотворениях, выбранных нами для анализа, функциональная роль тропов и их минимальное количество обусловлены особенностями жанра бытового фронтового письма, для которого характерны языковые особенности разговорно-бытового функционального стиля: «Если, например, в художественной прозе, в поэзии тропы служат для создания образа, то в разговорной речи они подчинены целям непосредственного выражения эмоций говорящего» [9].

Третья группа элементов (конструктивные приёмы)

Третий класс элементов, выделяемых согласно обозначенной методике, относится к авторским

принципам организации языковых единиц в тексте. Речь идёт о конструктивных приёмах, существенных как для структуры текста, так и для его образности.

Схожим конструктивным приёмом в рассматриваемых текстах становится характерная для бытового фронтового письма структура [5, с. 221]: обращение (А: *сынok родной*; Б: *дорогой сынок, сынок*), сообщение о состоянии адресанта (А: *а мне, признаться, только беспокойство; всё думаю и сердцем всё болею // по материнской слабости своей*; Б: *Мама тоже кручинится, ждёт; На неё я с утра ворчу; водкой горло смочу*), просьбы и предложения (А: *ты береги себя, но бей злодея! // Как мать прошу: врага покрепче бей! И поскорей с победой возвращайся*; Б: *не лезь, не печалься, домой приходи, не думай*), прощание и подпись (А: *Целую крепко; от всех привет; мать*; Б: *Ладно, воин, кончаю писать; крепко руку жму*).

В стихотворении С. Михалкова находим несколько приёмов, нацеленных на стилизацию разговорной речи, что обусловлено особенностями языковой личности автора письма — матери солдата, а также жанром текста.

Одним из распространённых в поэтических произведениях конструктивных приёмов выступает инверсия, то есть изменение норм словоупотребления, при котором «нарушается объективный порядок слов. При этом возникает с у б ъ е к т и в н ы й п о р я д о к слов, или и н в е р с и я» [10]. В результате нарушения обычного порядка следования членов предложения «какой-нибудь элемент оказывается выделенным и получает специальные коннотации эмоциональности или экспрессивности» [11], то есть оказывается стилистически маркированным. В случае с лирическим письмом на фронт инверсия во многом утрачивает функцию выделения отдельного элемента, а в основном работает на стилизацию разговорной речи: *Сынок родной!* (постпозиция согласованного определения); *Трёх гадов заколоть, а двух живьём поймать!*, *Марусю не узнать*. *Шинель надела* (препозиция прямого дополнения); *И санитаркой в госпиталь пошла, Сестрой и я в гражданскую была* (разрыв составного сказуемого) и мн. др.

Аналогичную функцию выполняют и высказывания, построенные по фразеологизированным структурным схемам: *Да что поделаешь: на то ведь я и мать* (На то ведь N1 и N1); *Марусю не узнать* (N2 не узнать); *Ванюшка-то каков!* (N1-го каков!).

Разговорность повествования усиливается и многочисленными вставками в прямую речь глагола *говорить*, который выполняет роль вводного слова и указывает на источник сообщения: *Вот это, говорят, действительно героизм*; *Эх, говорит, и мне на фронт охота*; *Мы, говорит, такие строим планы...*

Как известно, конситуативность разговорной речи позволяет экономить речевые усилия и употреблять эллиптированные конструкции. Так, в следующих примерах пропущены глаголы: *Катюша-то в колхозе заправилой*; *И если что... всем вместе в партизаны*.

Приём парцелляции, помимо своей распространённой функции актуализации наиболее важной информации и выделения её логическим ударением, в данном лирическом письме реализует ещё и задачу иллюстрации спонтанности разговорной речи: *Марусю не узнать. Шинель надела / И санитаркой в госпиталь пошла.*

Крайне высокую степень экспрессивности придают стихотворению восклицательные предложения (всего в тексте одиннадцать восклицательных предложений, встречающихся в семи из одиннадцати четверостиший), которые особым образом организуют лирическую структуру текста, а также приём «нанизывания императивов» в последнем четверостишии: *За Родину сражайся! // Не трусь в бою! // Не забывай писать! // И поскорей с победой возвращайся!*

В стихотворении А. Балакирева, помимо описанной выше особой структуры, свойственной бытовому письму, а также инверсии (*Раз вернулся фашизм проклятый. Всем хватило беды той когда-то; И тебя всё во сне зовёт... На неё я с утра ворчу, Когда спит она в утречко раннее*), наблюдаются и другие приёмы.

Особое положение в организации языкового материала занимает стилистический приём синтаксической анафоры, встречающийся в стихотворении четырежды. Это побудительная конструкция «местоимение 2-го лица ед. ч. при повелительной форме глагола»: *Ты за правду горюю стой // Ты гони его в шею, гони // Ты, сынок, не печалься за нас // Ты не думай, сынок, ни о чём.* По замечанию М.А. Шелякина, «употребление местоимения 2-ого лица при форме повелительного наклонения 2-ого лица приводит к смягчению побуждения и выражению модальности просьбы, а не требования» [12].

Кроме того, автор использует конструктивный приём контраста, основанный на противопоставлении различных элементов текста: *Старый клён под окном занемог, / Но у нас на селе ты в почёте* (противопоставляются два состояния, выраженные глаголами *занемочь* <=> *быть в почёте*). В данном случае мы имеем дело с семантическим контрастом, который поддерживается синтаксическими средствами — противительным союзом *но*.

Особого внимания заслуживает темпоральная организация обоих текстов, которую сложно отнести к конструктивному приёму в его классическом понимании, однако именно она позволяет увидеть сопоставляемые произведения в их диалогическом единстве и историческом контексте.

Темпоральная структура текста С. Михалкова включает пласт настоящего, выраженный глаголами в форме настоящего времени (*говорит, имею, говорят, думаю, болею, убирают, командует* и пр.), и два пласта прошедшего времени — недавнее прошедшее «бытовое» (*соседи заходили, поздравляли; пришёл с работы, стукнул кулаком* и др.) и прошедшее «историческое», помещающее текст в социально-исторический контекст войн XX века. Прошедшее

«историческое» выражено глаголами прошедшего времени (*немало их (немцев) побил, не позабыл, стирала, бинтовала, дежурила, оживали*) в окружении существительных / субстантивированных прилагательных, называющих реалии прошлого: *трёхлинейная* (винтовка системы Мосина образца 1891 г.); *гражданская* (война 1917–1922 гг.).

Разнесённые временные пласты связываются проведёнными в тексте параллелями между поколениями (отец || сын и мать || дочь) и актуализируют преемственность:

*Отец, как все. Вчера пришел с работы,
Прочёл газету, стукнул кулаком.
— Эх, говорит, и мне на фронт охота.
Пойти бы тоже следом за сынком.*

*Марусю не узнать. Шинель надела
И санитаркой в госпиталь пошла.
А я не против, раз такое дело —
Сестрой и я в гражданскую была.*

Темпоральная организация текста А. Балакирева обеспечивает включение прошлого в проживание настоящего. Ключевую роль здесь играют глаголы. Временной пласт сегодняшней действительности репрезентирован глагольными формами настоящего актуального времени: *знает, воюет, кручинится, ждёт, плачет, любит, жму, ворчу* и т.д., которые формируют основную ткань повествования, отражая положение дел и чувствования адресанта. Соотнесённость с прошлым заявлена в первой части стихотворения посредством глаголов прошедшего времени: (*фашизм*) *вернулся, (беды) хватило*. Обращённость к былому подкреплена маркерами прошедшего времени: неопределённым местоимением времени *когда-то* и существительным *дед*, которое в составе сравнительного оборота реализует идею преемственности поколений, а значит — и преемственности войны: *...наш сын — герой, / И воюет, как дед когда-то.*

Заключение. Результаты сопоставительного анализа двух поэтических текстов демонстрируют, во-первых, схожесть элементов первой группы, составляющих логическую и образно-семантическую основу стихотворений, во-вторых, совпадение элементов второй группы — это касается как стилистической окраски языковых единиц, так и особенностей функционирования тропов и их представленности. Некоторые различия наблюдаем в наборе композиционных приёмов (элементы третьей группы). Так, при схожей структурной организации двух стихотворений, обусловленной жанром бытового фронтального письма, и характерном для обоих произведений приёме инверсии, в тексте С. Михалкова используются эллиптированные, парцелированные конструкции, высказывания, построенные по фразеологизированным структурным схемам, тогда как в тексте А. Балакирева применяются приёмы синтаксической анафоры и контраста.

Исследование конструктивных приёмов организации языкового материала позволило обнаружить схожую темпоральную организацию двух текстов — обращённость настоящего в прошлое и к прошлому: для стихотворения С. Михалкова, написанного в годы Великой Отечественной войны, — к войнам начала XX века, а для современного стихотворения А. Балакирева, созданного во время проведения СВО, — к Великой Отечественной войне. Преемственность поколений, отражённая в текстах обоих произведений, говорит о преемственности войн в сознании народа.

Таким образом, представленный опыт рассмотрения стихотворений С. Михалкова и А. Балакирева с применением методики анализа текста в аспекте стилистики речи, предложенной О.А. Крыловой для анализа нехудожественных текстов и апробированной И.П. Зайцевой при анализе художественного текста, свидетельствует о целесообразности использования предложенной методики в рамках сопоставительного изучения лирических произведений. Данная методика позволяет последовательно и непротиворечиво (насколько это возможно для художественного текста) провести сопоставление осложнённых эстетической функцией элементов, составляющих лирические тексты, и их тесную и многоплановую соотносённость в художественных произведениях.

Литература

1. Зайцева, И.П. Исследовательский потенциал методики анализа текста в аспекте стилистики речи О.А. Крыловой / И.П. Зайцева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2023. — Т. 14, № 4. — С. 1289–1305.
2. Крылова, О.А. Лингвистическая стилистика: в 2 кн. / О.А. Крылова. — 2-е изд., стер. — М.: Высш. шк., 2008. — Кн. 1. Теория: учеб. пособие. — С. 221.
3. Михалков, С.В. Стихи о войне / С.В. Михалков. — М.: Из-во АСТ, 2016. — С. 36.
4. «Мы вернёмся, мы будем рядом...»: Стихи россиян, посвящённые героям специальной военной операции. — Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2025. — Кн. 1. — С. 92.
5. Сухотерина, Т.П. Фронтное письмо в коммуникативной ситуации Великой Отечественной войны / Т.П. Сухотерина // Историческая память молодёжи о Великой Отечественной войне: социально-гуманитарные и психолого-педагогические аспекты исследования и формирования. — 2015. — С. 216–222.
6. Сухотерина, Т.П. Фронтное письмо как жанр естественной письменной русской речи / Т.П. Сухотерина // Мир науки, культуры, образования. — 2014. — № 4. — С. 249–251.
7. Большой академический словарь русского языка / гл. ред. А.С. Герд. — М.—СПб.: Наука, 2007.
8. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Фёдоров. — М.: Астрель, АСТ, 2008. — 800 с.
9. Голуб, И.Б. Стилистика русского языка / И.Б. Голуб. — М.: Айрис-Пресс, 2010. — 448 с.
10. Крылова, О. А. Порядок слов в русском языке / О.А. Крылова, С.А. Хавронина. — М.: Рус. яз., 1986. — С. 135–136.
11. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов / И.В. Арнольд. — М.: Флинта, 2016. — С. 162.
12. Шелякин, М.А. Функциональная грамматика русского языка / М.А. Шелякин. — М.: Рус. яз., 2001. — С. 61.

Поступила в редакцию 17.10.2025